

УДК: 159.923.2

НАРРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОСОЗНАННОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

Павлик Юлия Григорьевна

аспирантка, Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Киев, ул. Андреевская 15

Аннотация:

Статья посвящена изучению тела человека как результата социально-культурного функционирования. Предлагается авторская модель осознанной телесности. Телесность определяется как результат конструирования сложной организации тела конкретного человека в определенном измерении при помощи социальных практик и существующих дискурсов. В состав модели включены такие компоненты: «тело как поверхность», «мифы о теле», «телесные практики»; и связующий элемент «нарративная констелляция». Описывается опыт применения метода нарратива, приводятся результаты анализа на основе процедур обоснованной теории.

Ключевые слова: тело, телесность, осознанная телесность, социальные мифы, социальные практики, метод нарратива, обоснованная теория.

Постановка проблемы.

Длительный период изучения тела в различных подходах привел исследователей к выводу, что как естественный, биологический феномен, оно не является тождественным тому, что возникает и проявляет себя в условиях социокультурного существования (Д. А. Бескова, И. М. Быховская, В. П. Зинченко, З. Кравчик, Т. С. Леви, А. В. Старовойтов, В. И. Столяров, А. Ш. Тхостов, Е. С. Язвинская).

Исходя из этой позиции изучение человеческого тела не ограничено ни материальной биологической стороной развития с властью законов природы, ни идеальной духовной - с властью законов духа, и приобретает социокультурный ракурс рассмотрения вопроса.

Иными словами, человеческое тело выступает как некий «культурный конструкт» (В. А. Подорога), и проблемы психологии телесности не могут быть исследованы за пределами культурологического контекста.

Можно говорить о том, что изначально данное человеку тело не наделено теми или иными – историческими, культурными, национальными – особенностями и границами. В определенном смысле на уровне «тела», а именно: на уровне базовых морфологических, биологических свойств, люди являются похожими. И лишь позже социальная среда формирует индивидуальные представления о теле, которые являются конструируемым в процессе коммуникации и взаимодействия интерперсональным знанием.

Одним из прогрессивных направлений, которое «находится в оппозиции к традиционной для западной философии и когнитивной науки трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта», является социальный конструкционизм [1, 38]. Основная его идея — представление о познании не как об отражающем и репрезентирующем, но как об интерактивном конструировании социальной реальности, образов познаваемых предметов и событий в сознании личности.

Опираясь на положение нарративного подхода к исследованию «я» и идентичности, которое разделяют и представители социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман, Р. Харре, А. Тэшфел и др.), мы рассматриваем телесность как продукт совместного конструирования («со-конструирования») в сообществе.

Отметим, что влияние социальности на интерпретацию телесности как культурно сконструированного образования является одновременно и очевидным, и достаточно скрытым для «классически мыслящего» исследователя.

Однако довольно прозрачным является тот вывод, что телесность как социально сконструированный феномен невозможно свести к простому явлению или разложить на составляющие элементарного порядка, проигнорировав специфические особенности и закономерности культурного развития, что может привести к уничтожению телесности как уникального конструктора.

Таким образом, значения элементов социальной действительности в целом, и телесной реальности в частности, не постигаются по средству пассивного восприятия, а конструируются в процессе социальной интеракции.

Исходя из центральной проблематики конструкционизма в психологии, мы обратились к исследованию процесса конструирования знаний о теле личностью, результатом чего можно рассматривать осознанную телесность как нарративную интерпретацию телесного опыта в процессе коммуникации.

Цель статьи состоит в том, чтобы представить разработанную теоретическую модель осознанной телесности, а так же описать опыт применения метода нарратива в исследовании телесности.

Основываясь на том, что социальная реальность и социальное взаимодействие рассматриваются в рамках конструкционизма как совокупность мыслей, идей и ценностей и не сводятся к материальным условиям, мы предлагаем рассматривать осознанную телесность как нарративную интерпретацию личностью телесного опыта.

В свою очередь, мы опираемся на понимание телесного опыта, не сужая его до соматического, а именно: как иерархически организованную структуру, которая включает уровень анатомио-физиологического субстрата (схема тела), интрапсихический уровень (образ тела) и интерпсихический уровень, связанный с освоением в онтогенезе знаково-символических средств и форм регуляции телесных функций и потребностей (Е. Б. Айвазян, 2005).

В результате нашего поиска, была разработана модель осознанной телесности, которая позволила осмыслить феномен именно как социокультурный, проанализировать его организацию и обнаружить взаимосвязи компонентов.

Исходной точкой для построения модели явилась идея интерпретации тела М. Фуко как «поверхности», на которой прописываются социальные нормы и регулятивы. Этот взгляд является развитием мысли Ф. Ницше о том, что тело является некой начертательной поверхностью событий (тогда как язык их метит, а идеи — растворяют) [2; 3].

Так же при разработке модели мы обратились к идее социальных практик (Э. Гидденс, А. Шюц), которые трактуются как обычные общепринятые для данной культуры навыки обращения с объектами и людьми, осуществляемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности [4; 5].

Значительную роль при конструировании модели сыграла идея социального мифа как фактора общественной организации и изменения человеческих сообществ Ж. Сореля [6]. Обращаясь к мифу, он показал, что просвещенческое разведение разума и мифа, возвеличивающее первое и уничижающее второе, не вполне корректно, и мифы обладают существенно большим потенциалом социальной мобилизации, способностью управлять и конструировать социальную реальность.

Итак, осознанная телесность, на наш взгляд, может быть представлена как ризоморфная целостность, элементы которой взаимосвязаны, имеют взаимовлияние, и презентуют биологический, психологический и социальный аспекты телесного опыта (см. Рис.1). Предлагаемая модель включает такие компоненты: «тело как поверхность», «телесные практики», «мифы о теле»; а так же элемент «нарративная констелляция».

Рассмотрим содержание компонентов:

Рис. 1. Схема модели осознанной телесности

1. Выделенный компонент – **«тело как поверхность»** – презентует общие соматические признаки и процессы человеческого тела, такие, например, как пол, возраст, телосложение, цвет кожи, разрез глаз, особенности волос, органическая полноценность, телесные дефекты и т.д.

В представленной модели компонент **«тело как поверхность»**, в свою очередь, разделен на две территории: **«проблематизированная сома»** (на схеме – «тело как поверхность 1») и **«непроблематизированная сома»** (на схеме – «тело как поверхность 2»). Для экспликации оснований их разделения приведем пример: такой соматический аспект как дыхание может оставаться автоматизированным и не осознаваться человеком, то есть попадать в непроблематизированную зону, но, если человеку в профессиональной деятельности требуются ораторские навыки (актеры, лекторы и т.д.) или другая работа с дыханием (музыканты - исполнители на духовых музыкальных инструментах, вокалисты, танцоры, стеклодувы), то этот же аспект попадает уже в зону произвольного внимания – в «проблематизированную сому» – и приобретает качества произвольного осознаваемого процесса.

2. Следующий компонент модели - **«телесные практики»**, выделение которого обусловлено тем, что в повседневности тело постоянно «создается», конструируется, претерпевает изменения. «...Тело функционирует и воспринимается своим хозяином как тело только в контексте деятельности» [4, 118], и именно использование социально-установленных действий, их правил и тактик, делает возможным конструирование и реконструирование телесности во времени и пространстве повседневной социальной жизни.

Отметим, что чаще говорят о **фоновых практиках**, и этот концепт является наиболее разработанным. Такие практики воплощают в себе обычные для данной культуры навыки обращения с объектами и людьми и понимаются как общепринятые, или рутинные, то есть такие, которые осуществляются привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности. Рутинизированный характер повседневности выражается в повторяющемся характере действий, которые воспроизводятся в одинаковой манере день за днем [7]. По

отношению к телу, например, это может быть чистка зубов, принятие душа (ванны), зарядка, расчесывание волос и т.д.

Но мы полагаем, что по отношению к телу также следует различать «экстремальные практики» или «особые практики», которые, в отличие от фоновых, не характеризуются привычностью и повседневностью, а их повторяемость является относительным параметром. Таким образом, эти практики человек может осуществлять относительно редко, а иногда и один раз за всю жизнь, например татуирование, скарификация, пирсинг, операция по пластической хирургии, операция по изменению пола и т.д.

Компонент «*телесные практики*» разделяется в рамках представленной модели на две территории: указанные практики могут быть отнесены к таким, которые применяются конкретной личностью - «*применяемые*» (на схеме - «телесные практики 1») и такие, которые не применяются ею - «*неприменяемые*» (на схеме - «телесные практики 2»).

3. Следующий компонент модели – «*мифы о теле*». Современное человечество считает себя глубоко рациональным, но и у него существуют свои «мифы»: мысли и убеждения, которые разделяются людьми, но не обязательно осознаются ими. Достаточно часто мифы ошибочно понимаются как что-то исключительно «неправдивое», противопоставленное «истинному», мы же понимаем мифы (Д. В. Драгунский) как зафиксированные и транслируемые в текстах образования, которые задают, подтверждают и транслируют способы понимания, переживания и действия [8].

Отметим, что одной из особенностей социальных мифов является их обращение к конкретным аспектам социальной жизни, и в данном случае *мифы о теле*, по нашему мнению, выступают одной из их разновидностей.

Итак, компонент «*мифы о теле*» состоит из социальных (коллективных) представлений о теле, которые формулируются и накапливаются человечеством в условиях культурно-исторического развития и отражаются и закрепляются в массовом сознании в форме текстовых репрезентаций социального существования тела и отношения к нему. Среди мифов о теле вспомним такие, как «концепция красоты» (М. Вулф), «миф о стройности» (К. Чернин, С. Бордо), «миф о здоровье», «миф о сексуальности», «миф о пенисе», «миф о полоролевых назначениях», «мифы о половозрастных возможностях» и другие. Благодаря им свойства человеческого тела – пол, возраст, конституция – означиваются (становятся знаком) в процессе развития и приобретают новые функции, а именно: становятся уже не просто индивидуальными характеристиками, а приобретают роль социально-психологических регуляторов жизнедеятельности человека. Осуществляя свою «работу», такие опосредующие знаки проявляются, например, как основа для стереотипизации и расовой, половой или возрастной сегрегации общества.

Иными словами, социальные мифы о теле выступают некой формой социальной мобилизации, обладают способностью управлять и конструировать (в данном случае – социальную телесную реальность). Отметим также, что все культуры аккумулируют и транслируют собственные тексты-носители специфических человеческих знаний и смыслов, символов ценностей, к которым в процессе социализации присоединяется, которые конструирует и интерпретирует личность (прецедентные тексты). Относительно же тела такие тексты презентуют, характеризуют и организуют представления, виденья, стереотипы, отношения и позиции касательно аспектов телесной жизнедеятельности человека.

Условно все имеющиеся «*мифы о теле*» для отдельной личности можно разделить на «*актуализированные*» (на схеме - «мифы о теле 1») - активные мифы, которые осознаются, принимаются, интерпретируются и транслируются ею; и «*неактуализированные*» (на схеме - «мифы о теле 2») - существующие в обществе мифы локальных социальностей, которые не являются частью культурных текстов, свойственных сообществу конкретной личности.

Комментируя содержание предлагаемой модели, укажем, что наше обращение к философскому концепту *территории*, предложенному Ж. Делезом и Ф. Гваттари, объясняется тем, что выделяемые нами компоненты модели являются гибкими, постоянно

изменяющими конфигурацию смысловыми пространствами, которые характеризуются взаимосвязанными процессами детерриториализации и ретерриториализации. Отметим, что между территориями компонентов модели нет жесткого разделения, территории обладают возможностью меняться и перетекать друг в друга. Ж. Делез отмечает, что «не может быть детерриториализации без вектора оставления территории, вне детерриториализации, но нет и никакого оставления территории, нет детерриториализации без вектора ретерриториализации в другом месте» [9, 4].

Последний элемент модели, отраженный на схеме, – «**нарративная констелляция**» – является некой «кровеносной системой», представляет собой динамические взаимосвязи, обеспечивающие «взаимопереходы тела» из одной территории в другую (поверхность, практика, миф) и их взаимное изменение.

Именно семиозис, заключенный в предлагаемом элементе, обеспечивает перевод, истолкование, концептуализацию отношения знак/объект в последующем знаке, и является динамическим процессом интерпретации знака как единственно возможного способа его функционирования.

В контексте данной статьи интерпретация трактуется нами как осмысление, понимание, толкование информации телесного опыта и как результат конструирования смыслов. Именно это и обеспечивает переход описанных выше компонентов в зону осознанности, т.е. делает возможным конструирование осознанной телесности.

Исходя из выше изложенного, можно сказать, что осознанная телесность является интерпретацией собственного телесного опыта, существующего в контексте социально-культурной обусловленности конкретного сообщества.

Таким образом, условно говоря, внутренний круг на схеме модели (см. Рис.1) и представляет собой, по нашему мнению, осознанную телесность, которая объединяет, «переваривает» и организует сложное и многокомпонентное образование, которое является ризоморфным и характеризуется отсутствием жесткой иерархической структуры с фиксированным центром, что может быть отчасти объяснено быстротечными социальными и культурными изменениями как в локальных сообществах, так и в мире в целом.

Отметим, что в рамках нашего исследования мы намеревались решить две взаимосвязанные и взаимодополняющие задачи: 1) прояснение и реконструирование общих смыслов, присущих сообществу в ситуациях построения представлений о телесности; 2) поиск парциальных моделей.

В рамках данной статьи мы коротко опишем результат поиска парциальных моделей и основания их типологизации.

Для решения этой задачи мы обратились к нарративному методу, а именно: к использованию письменного нарратива. Таким образом, исследование было направлено на изучение индивидуальных случаев, углубление понимания содержания компонентов модели («*тело как поверхность*», «*мифы о теле*», «*телесные практики*») и взаимосвязей между ними («*нарративная констелляция*»), что позволило уточнить содержание конструкта осознанной телесности, достичь насыщения категорий и сформировать типологию.

В своем выборе метода мы опираемся на идею, что нарратив является наиболее адекватной формой экспликации типов модели осознанной телесности, так как человек, презентуя себя в текстах, удостоверяет способ своего существования в социальном пространстве и одновременно верифицирует свои смыслы [10].

Так, Е. Е. Сапогова отмечает, что жизненный путь каждой личности как неповторимое экзистенциальное приключение оказывается интересным «...не столько за счёт представленности в нём всеобщего, сколько найденными смыслами, единичными способами со-бытия с миром, построением уникальной в своём роде внутренней реальности» [10, 60].

Таким образом, при проведении исследования информантов просили описать историю из жизни, которая была связана с их телом и презентировала бы некий конкретный телесный опыт.

В результате проведенной работы было собрано 107 текстов, 84 из которых были идентифицированы как нарративы, и 23 - как дескриптивы. Среди нарративов было выявлено 77 текстов, отвечающих тематике связанной с телесностью, и 7 - не отвечающих данному критерию. Соответствующие целям исследования тексты были проанализированы с использованием процедур обоснованной теории (А. Страусс, Дж. Корбин) [11, 12, 13, 14, 15].

В результате анализа было выделено 7 типов моделей телесности, среди них: «поврежденное тело», «изменяемое тело», «репродуктивное тело», «неконтролируемое тело», «инструментальное тело», «эротическое тело», «эмоциональное тело».

Каждая из моделей была наполнена категориями, среди которых были выделены общие для всех типов и уникальные для конкретных моделей.

К общим категориям были отнесены следующие: «локализация во времени», «локализация в теле», «личное отношение к происходящему», «ощущения, сопровождавшие событие», «результаты полученного опыта».

Первый тип модели - «поврежденное тело» - составили тексты (25 нарративов), которые описывали историю о повреждение «целостности» тела, нарративы содержали информацию о полученных травмах, перенесенных операциях, болезнях. Среди уникальных категорий для данной модели следует упомянуть такие: «отношение и участие окружающих», «состояние тела», «способ решения (устранения) «повреждения»», «следствия события», «экзистенциальные размышления».

Опыт работы с телом и его тренировки был представлен в нарративах (20 нарративов), которые составили тип модели «изменяемое тело». Внутри типа были представлены случаи осознанного воздействия на тело с первоначальной целью его изменения, и случаи текущей работы с телом, имеющей как следствие его изменение или ощущение такового. Уникальные категории для данной модели следующие: «тип изменения», «динамика изменений», «телесно-духовное соотношение».

Тип модели «репродуктивное тело» составили тексты (4 нарратива) описывающие опыт беременности, вынашивания ребенка и родов. В данной модели общая категория - «личное отношение к происходящему» - имела некоторую уникальную особенность, что проявилось в ее амбивалентном проявлении внутри отдельных текстов. Уникальные категории, характеризующие модель, таковы: «особенность поведения», «акцентированное самовосприятие», «отношение к изменениям», «отношение к (будущему) ребенку».

Следующий тип модели - «неконтролируемое тело» - составили тексты (4 нарратива), связанные с измененным состоянием сознания (сон, потеря сознания и т.д.). Уникальные категории этой модели такие: «частота повторяемости», «условия возникновения состояния», «тактика поведения».

Тексты (8 нарративов), в которых телу автора приписывалась роль некоего механизма, с помощью которого происходит проверка возможностей или же описывается способность достижения чего-либо посредством тела, составили тип модели «инструментальное тело». Уникальными категориями модели стали такие: «возможности тела», «отношение к возможностям тела», «тип инструментального участия», «реакция окружающих».

Следующий тип модели - «эротическое тело» - сформировали тексты (5 нарративов), связанные с принятием/непринятием тела под влиянием оценки (реальной или воображаемой, гласной или негласной) окружающих. Особенно в историях акцентируется аспект внимания со стороны представителей противоположного пола. Уникальные категории для этой модели представлены следующими: «отношение к телу», «тактильный контакт», «телесное устранение».

Последний выделенный тип модели - «эмоциональное тело» - составили тексты (11 нарративов), в которых описываемый телесный опыт связан с эмоционально травмирующей

ситуацией и который носит сопровождающий характер, являясь реакцией на неё. Уникальные категории, характеризующие модель следующие: «эмоциональная ситуация», «реакция тела», «управляемость телом», «характер движения и его наличие», «действие/бездействие».

Таким образом, исследование показало, что модели отличаются значительным разнообразием, которое в свою очередь определяется личностными особенностями осознания телесности людьми. И этот факт только в очередной раз подчеркивает идею уникальности каждого человека, как единственности и неповторимости. При этом каждый человек, со-конструируя реальность, одновременно выступает источником обогащения общих смыслов.

Именно обращение к человеческой уникальности имеет существенное значение в социальном познании, в постижении социальных явлений, событий, в прояснении механизма функционирования и развития общества.

Выводы.

Подводя итоги, следует отметить, что модели различны, и наполнены определенным содержанием, но в целом презентуют некий сходный продукт - осознанную телесность. На наш взгляд, этот конструкт, как ризоморфное образование, является нелинейной организацией, гибким динамическим образованием с временными периодами стабилизации и может меняться в течение жизни, развиваться по любому вектору и принимать любые конфигурации.

Осознанная телесность в нашем понимании является результатом конструирования сложной структуры тела конкретного человека в определенное измерение, где оно характеризуется через социальные практики и действия дискурсов. И если в понятии тела акцентируется устойчивость, определенность пространственных границ, относительная стабильность и статичность, то понятие телесности фиксирует выход тела за его видимые, осязаемые и фиксированные в пространстве контуры: телесность предстает как динамический и процессуальный феномен.

Исходя из того, что человек конструирует мир не индивидуально в своем сознании, а совместно — в разговоре и социальных практиках, осознанная телесность, как интерактивно конструируемая социальная реальность в сознании личности, является перманентным, динамическим процессом; реальностью, воспроизводимой людьми в процессе её интерпретации.

Таким образом, можно говорить о том, что осознанная телесность конструируется личностью в ходе коммуникации и «повествовании о теле», что нашло свое подтверждение в результате изучения нарративных моделей осознанной телесности.

Описанная попытка раскрытия содержания понятия осознанная телесность, как нарративной формы интерпретации личностью телесного опыта, представляет возможным дальнейшее расширение изучения конструкта в смысловом поле, выявление и анализ индивидуальных особенностей в различных контекстах, а полученные модели обладают определенным диагностическим потенциалом для практической деятельности психологов.

Использованная литература:

1. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии, 2009. – № 2. – С. 35-45.
2. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Минск : Изд. ООО «Красико-принт», 1996. – С.74-97.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — Москва : Академический Проект, 2005. – 2-е изд. – 528 с.
5. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
6. Сорель Ж. Размышления о насилии. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
7. Лычковская О. Р. Фоновые социальные практики: между дискурсивным и предметно-практическим (к методологии вопроса) // Сборник международной научной конференции «Харьковские социологические чтения». – Харьков, 2008. – С. 113-118.
8. Драгунский Д. В. Социокультурный аспект. Социальная мифология. // Россия между вчера и сегодня. Книга первая. Экспертные разработки. – Москва : ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2003. – 448 с.
9. Делёз Ж. Алфавит Жюль Делёза совместно с Клер Парне 1988-1989 // Французская гуманитарная культура в Беларуси. - пер. с франц. П. Корбута. - Минск, 2001. (по интернет-изданию Klinamen). – 67 с.
10. Сапогова Е. Е. Событие в структуре биографического текста. // Культурно-историческая психология, 2006. — № 1. — С.60-64.
11. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техники [Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой]. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
12. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Соотношение эпистемологической и эмпирической сторон качественного исследования. // Методология и история психологии, 2009. – Том 4, Выпуск 3. – С. 96-105.
13. Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4 М. (Социология: методология, методы, математические модели), 2003. – №17 – С.56-82.
14. Янчук В. А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования. // Методология и история психологии, 2007. – Т. 2, Выпуск 1. – С. 207-226.
15. Дембицкий С. «Обоснованная теория»: стратегия сбора и анализа качественных данных при теоретической валидации. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2010. – № 2 – С. 64-83.

Article received: 2014-04-18